

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1137-1147
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1137

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Activity of Special Commissions on the Allotment of Land to the Mohammedan Peoples in the Stavropol Province in the XIX century: Problems and Climatic Factors

Valery V. Batyrov ^{a,*}, Ekaterina N. Badmaeva ^a, Daniyal S. Kidirniyazov ^b, Baatr V. Ochirov ^a

^a KGU – university, Russian Federation

^b Institute of History, Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the activities of Special Commissions for the allotment of land to the Mohammedan peoples in the Stavropol province in the XIX century. The main problem facing the Commissions was solving the problem of the distribution of pasture territories among nomadic peoples. A similar issue, in particular, between the Kalmyks and Stavropol Turkmens, arose in 1806, when the Turkmen population was included in the Kalmyk steppe of Astrakhan province by the decision of the authorities. This decision has aggravated land relations in general among the nomadic peoples. The situation in land use was aggravated by the growth of the peasant population in the Stavropol province. Newly arrived Russian peasants in difficult climatic conditions of the territory were forced to switch to cattle breeding as the most profitable type of management, thus entering into a struggle for pastures and water resources with nomadic peoples. Constant complaints and conflicts from all parties involved in land disputes throughout the first half of the 19th century raised an urgent question for the Russian authorities about the exact definition of the boundaries of the territories of nomadic peoples. The difficult natural and climatic conditions of the region were among the main reasons for the failure of the project to delimit the territories of nomads between Kalmyks and Turkmens. The arid territory, the lack of water resources, the shortage of winter feed stocks caused by the burning of pastures in the rest of the year predetermined the constant dependence of nomadic farms on natural disasters, created serious obstacles to the further development of nomadic cattle breeding. Disputes and conflicts between pastoralists over limited water resources and the best pasture areas were especially fierce. Nevertheless, since the beginning of the 19th century, Kalmyks and Turkmens have managed to develop a regime of mutual migrations in the same territory, since they understood that the lack of consensus on this issue could lead to the ruin of one of the peoples. Eventually, the Russian authorities cut the Gordian knot of land contradictions between Kalmyks and Turkmens, transferring in 1859 the lands of Bolshederbetovskiy ulus and a separate part of Maloderbetovskiy ulus to the department of Stavropol province, thereby giving the solution of all conflict situations due to nomadic pastures and water sources to the local administration. It was only at the beginning of the 20th century that the intensity of land disputes between Kalmyks and Turkmens somewhat weakened due to the partial abandonment of pastoralists from the practice of herding cattle and the gradual transition of the nomadic population to a sedentary lifestyle.

Keywords: Astrakhan province, Stavropol province, Kalmyk steppe, nomadic peoples, Kalmyks, Turkmens, nomadic farming, cattle breeding.

1. Введение

Исторически сложилось, что совместное проживание кочевых обществ на юге России требовало определения пастбищных территорий для наиболее эффективного ведения кочевого хозяйства.

* Corresponding author

E-mail addresses: valerabatyrov@yandex.ru (V.V. Batyrov), en-badmaeva@yandex.ru (E.N. Badmaeva), daniyal2006@rambler.ru (D.S. Kidirniyazov), ochirov.batr@yandex.ru (B.V. Ochirov)

После ликвидации в конце XVIII в. Калмыцкого ханства калмыцкое и туркменское скотоводство оказалось в сложном положении в связи с неопределенностью границ их кочевых территорий. В это время туркмены кочевали совместно с калмыками на строго определенной территории ханства, им запрещалось претендовать на земли за его пределами. Более того, в 1802 г. центральная власть установила границы калмыцких земель и приняло решение о подчинении степняков астраханскому военному губернатору, князю П.Д. Цицианову с тем, чтобы наделить «кочующих калмык и киргиз землями» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 233).

Для решения проблем туркменского скотоводства 19 мая 1806 г. в Георгиевске была создана «Комиссия для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов», которая должна была совершить отвод земли для кочевников в Ставропольском и Георгиевском уездах. Данная комиссия, состоявшая из чиновников Кавказской губернии, долгое время не могла решить этот вопрос в связи постоянно возникающими земельными спорами казаков и помещичьих крестьян с туркменами, поскольку кочевья последних не были разграничены. Ко всему прочему, соседние кочевые народы, калмыки и ногайцы, воспринимая их как соперников, не давали им вернуться на те территории, на которых они кочевали в период Калмыцкого ханства. В этих обстоятельствах Комиссия выдвинула проект, по которому туркмены совместно с ногайцами должны были делить кочевые пастбища по правому берегу р. Кума. Это грозило новыми конфликтами для туркменского населения, что привело к их отказу от проекта. Ситуация, в которой кочевья туркмен располагались на ограниченной территории близ г. Моздок, постепенно вела к разорению кочевников, и в 1806 г. ставропольские туркмены в поисках выхода из сложившегося негативного положения обратились к министру внутренних дел В.П. Кочубею с двумя просьбами: 1. включить их в административном подчинении в состав Калмыцкой степи, учитывая период их совместного проживания под управлением калмыцким ханов в XVIII в.; 2. отменить обременительные повинности по содержанию «почты и развозки провианта» (Кольцов, Шургучинов, 2023: 27). В связи с достаточно тяжелым положением туркменского населения из-за нехватки пастбищных территорий их присоединение к калмыкам оказалось простым решением для администрации, которое пошло навстречу этому ходатайству. Таким образом, сложилась несколько парадоксальная правовая коллизия, когда туркмены, жители Кавказской губернии, войдя в состав Калмыцкой степи, административно оказались в подчинении властной структуры соседней губернии — Астраханской казенной палаты.

Это были первые, во многом противоречивые, шаги этой особой комиссии, созданной правительством для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов. В дальнейшем в сферу деятельности Комиссии входило урегулирование постоянно возникавших земельных споров казаков и помещичьих крестьян с кочующими в Кавказской губернии калмыками, туркменами (трухменами) и ногайцами. В середине XIX в. была учреждена особая «Комиссия для определения участков, калмыцкой в Ставропольской губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». В настоящей статье нами предпринята попытка рассмотреть деятельность этих Комиссий в контексте административной политики Российского государства и то, каким образом их работа сказывалась на решении земельных вопросов в Кавказской (Ставропольской) губернии и Калмыцкой степи на протяжении всего XIX в.

2. Материалы и методы

Источниками настоящей статьи послужили архивные материалы Государственного архива Астраханской области (Астрахань, Российская Федерация), Государственного архива Ставропольского края (Ставрополь, Российская Федерация), Национального архива Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация), а также сборник опубликованных документов — Полный свод законов Российской империи. Исследование базируется на использовании исторического и историко-системного методов, а также метода системного анализа. Использование исторического метода способствовало установлению взаимосвязи исторической перспективы и процессов современного развития. Применение историко-системного метода позволило исследовать отдельные исторические события в контексте общественно-исторической реальности жизни кочевников юга России. Системный подход к познанию истории позволил преломить некоторые теоретические выводы отечественной исторической науки в отношении социально-экономического развития кочевых народов. Логико-исторический метод послужил в качестве конкретного способа организации и анализа исследуемого нами материала.

3. Обсуждение

История и социально-экономическое развитие кочевых народов Астраханской и Ставропольской губерний в XIX в. привлекали постоянное внимание отечественной исторической науки. Тем не менее на сегодняшний день все еще остается малоизученным вопрос о наделении кочевых народов юга России пастбищными территориями в контексте деятельности таких особых властных органов, как «Комиссия для наделения землями кочующих в Кавказской губернии магометанских народов» и «Комиссия для определения участков, калмыцкой в Ставропольской

губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». Дореволюционные исследователи, касаясь хозяйственного развития кочевых туркмен, в основном ограничивались описанием уже устоявшихся границ туркменских кочевий в середине XIX в., при этом опуская суть и подробности земельных споров между туркменами и другими кочевыми народами (Архипов, 1858; Бентковский, 1883; Дуброва, 1998; Володин, 1908; Щеглов, 1910; Фарфоровский, 1912). В своих работах исследователи зачастую не улавливали прямую взаимосвязь упадка туркменского скотоводства с крестьянской колонизацией Ставропольской губернии (Бентковский, 2011; Прозрителев, 1912). Из дореволюционных авторов лишь Н.Ф. Бурдуков попытался изучить вопросы влияния выпаса постороннего скота в Калмыцкой степи на калмыцкое хозяйство (Бурдуков, 1902).

Более углубленно проблемы землепользования туркменского населения в дореволюционный период исследователи стали изучать только в XX в. Так, А.В. Курбанов рассмотрел попытки губернской администрации урегулировать земельный вопрос туркмен в Ставрополье после 1825 г. О.И. Брусина попыталась выявить основные причины, приведшие к трансформации кочевого общества ставропольских туркмен во второй половине XIX в. (Брусина, 2023: 62).

Обозревая историографию изучения кочевого хозяйства ставропольских туркмен в XIX в., мы делаем однозначный вывод о том, что вопросы землепользования туркменского населения в указанный период, равно как и целенаправленная деятельность имперской администрации по урегулированию земельных вопросов, взаимоотношения кочевников и новоприбывших в край русских крестьян, все еще не изучены в полной мере. Отметим, что эти вопросы, в частности, земельные проблемы между кочевниками и переселенческой деревней, в контексте имперской политики более детально исследованы, на наш взгляд, в современной калмыцкой историографии (Белоусов, 2012; Лиджиева, 2023).

4. Результаты

11 апреля 1809 г. главнокомандующий в Грузии и астраханский генерал-губернатор И.В. Гудович переслал приставу туркменского народа майору Я. Ростованову копию с отношения товарища министра иностранных дел А.Н. Салтыкова о том, чтобы «туркменских татар к калмыкам приписать» (Кольцов, Шургучинов, 2023: 28). 15 октября 1810 г. Комиссия приняла постановление о «разделении между Трухмянцами и Каранагайцами зимовых мест и земли между калмыками» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59). Астраханскому гражданскому губернатору И.И. Попову было предписано передать всех туркмен в ведение Кавказской области на основании Указа от 24 июня 1822 г. (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194).

Совместные кочевки двух народов — калмыков и туркмен — на одной территории, безусловно, не могли обойтись без взаимных претензий по поводу границ кочевий, но уже к середине XIX в. проблема территориальных споров приобрела новое наполнение, связанное с появлением третьей стороны, участвующей в борьбе за земли, — русского крестьянского населения. За 13 лет (1820–1833 гг.) в Кавказскую область прибыли 105 765 государственных крестьян, которые в основном находились в Ставропольском округе (Варивода, 2007: 140). В связи с массовым переселением в регион крестьян из других местностей по решению третьего департамента МГИ с 1840 г. в деятельности Комиссии, работавшей в составе Кавказской палаты государственных имуществ, добавилось новое направление — проведение «съемки казенных свободных земель для заготовления участков под переселенцев» (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1). В 1840 г. по предложению Кавказского гражданского губернатора, которое поддержал III Департамент МГИ своим отношением от 26 мая 1841 г. №5509, начались работы по межеванию казенных земель Кавказской области (ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 1488. Л. 1). Отвод земли новоприбывшим крестьянам грозил усечением туркменских кочевий и возможным разорением их хозяйств, что вызывало серьезную озабоченность чиновников Ставропольского ведомства. 27 апреля 1838 г. Комиссия представила Записку «о стеснении в кочевье магометан каранагайцами и едишкульцами от разных землевладельцев Кизлярского округа» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 59). 28 июня 1841 г. начальник съемки земель Кавказской области потребовал в целях сохранения традиционного скотоводства кочевников прислать «к нему ведомости землям предположенными для наделения кочующих магометан с копией и планами на земли» (ГАСК. Ф. 406. Оп. 1. Д. 73).

Рост переселенческого населения в Ставропольской губернии стал причиной все более усиливавшейся конкуренции крестьян с кочевниками за пастбищные земли, а в аридных территориях — еще за водные ресурсы. В этих условиях актуальным в повестке дня стал вопрос о точном определении границ территорий кочевых народов. 13 мая 1853 г. принимается решение об образовании в Ставрополе из двух существовавших тогда комиссий единой комиссии по наделению землями местных казаков и магометанских (кочующих) народов. С 1 сентября 1853 г. она стала именоваться Межевой комиссией Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов Ставропольской губернии. В Положении о Межевой комиссии указывалось, что территории Калмыцкой степи не могут передаваться для наделения туркменского народа, несмотря на их «прочное обзаведение» (Положение..., 1853: 27). И все земельные вопросы туркменского населения Комиссия должна согласовывать с Астраханской Палатой государственных имуществ (далее — АПГИ).

12 ноября 1853 г. из МГИ в АПГИ поступило предписание от 26 июля 1852 г., в котором сообщалось о предложении Кавказского наместника М.С. Воронцова об учреждении особой «Комиссии для определения участков, калмыцкой в Ставропольской губернии земли, необходимых для кочевья Магометанским народам». К этому времени М.С. Воронцовым уже было издано распоряжение об учреждении комиссии в составе Главного пристава Магометанских народов, члена от Ставропольской Палаты государственных имуществ и из межевого чиновника с тем условием, чтобы со стороны АПГИ также были представлены чиновники. При этом наместник ходатайствовал до определения границ территорий о воспрещении раздачи калмыцких земель в Ставропольской губернии в оброчные участки до окончательного постановления Комиссии (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 1-2).

В первом заседании новой Комиссии 17 мая 1853 г. участвовали чиновник особых поручений АПГИ А. Курлов, пристав Туркменского и киргизского народа А.Х. Артемьев, заведующий отдельной частью калмыков Малодербетовского улуса Д.М. Петухов, Туркменский голова Толек, старшины и почетные старики от туркменского народа, а также старшины и поверенные от калмыков отдельной части Малодербетовского улуса. Заседание проходило в ставке Туркменского пристава, где ее участникам предложили осмотреть туркменские кочевья, находящиеся на территории отдельной части калмыков Малодербетовского улуса, на которых они кочевали в весеннее, летнее и осеннее время по обеим сторонам р. Калаус (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 207-208). В окончательном протоколе заседания члены комиссии обозначили расположение основных мест кочевий туркмен в урочищах «Казы, Илга, Юсуп Кулак, Чрак-Куй (общее название Кок-Айгыр или Айгур), Барханчак, Соку Кулак (в границах урочищ Урбелева и Кочермы и части Кочери) и Маштак Кулак». Пристав Туркменского и киргизского народа, Туркменский голова, старшины и почетные старики сообщили, что, кроме осмотренных членами комиссии урочищ, кочевья туркмен заключаются на урочищах «Кундек, Кок-Гол, Састи, Балбыр Ташуй, Терменти, Кол-Куй, Лахайтын, Сухая Буйвола, Доши Куй, Юз Куй, Курнеты, Зурнеты, Хынты, Чогорай, Хорун, Кахылар». Также они проинформировали о том, что туркменское население занимает урочища «по направлению Манычей», — по направлению «Кок-Айгыр — Овазче Куй и между р. Калаус и р. Маныч». Данные территории были наиболее подходящими под кочевья в связи наличием на них водопоев (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 207-208). Из этих пояснений можно примерно установить территории кочевья трех туркменских родов. Основные кочевые территории Чавдунова рода проходили через урочища Курмута и Зурмута на Бургон Можар и Владимировку, причем местные крестьяне, несмотря на указание оставить скотопроегн шириной в 7 верст, оставили одну только дорогу. Игдыров и Союн Аджи рода кочевали от местностей Чуграй и Хорун (по Манычу), двигаясь по направлению к Куме (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 16-17).

Астраханские чиновники и калмыцкая элита, понимая неизбежность потери части калмыцких земель, на которых кочевали туркмены, стали активно передавать эти пастбищные земли для распашки крестьянам Ставропольской губернии. Так, в рапорте пристава Туркменского и киргизского народа А.Х. Артемьева к Главному приставу Магометанских народов Шейх-Али Давлет-мирзе от 7 июня 1853 г. указывалось, что 31 марта заведующий отдельной частью Малодербетовского улуса Д.М. Петухов сообщил о просьбе крестьян села Петровское об отдаче им для распашки Калмыцкой земли, лежащей между урочищами Калаусом, Айсурами и Бараханчагом. Сообщалось также, что откупщики из крестьян Ставропольской губернии селений Сухой Буйволы, Петровское и др. часть испрашиваемой земли уже распахали без дозволения АПГИ на урочищах Барханчик, Юсуп-Кулак и Кочерми, в связи с чем туркмены практически лишились возможности совершать сезонные миграции, пользоваться водопоями, так как они были окружены крестьянскими посевами. Все это грозило для туркмен уничтожением скотоводства «единственного их достояния» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 6-7). 28 апреля 1853 г. Шейх-Али Давлет-мирза направил представление на имя Управляющего гражданской частью в Ставропольской губернии А.А. Волоцкому, в котором отмечалось, что, несмотря на отсутствие карт туркменских кочевий, пристав туркменского и киргизского народов 1 апреля донес ему, что подведомственный ему народ имеет нужду, по крайней мере, в тех землях, которые находятся на территории Малодербетовского улуса, «по северной стороне колодца Арзигир и урочища Кочерли» и Большедербетовского улуса «при Узун-Илга, Мухур-Илга, Маки Кийста и Койсала», но положение туркменского народа ухудшается, потому что не остановлена практика раздачи и распашки земель, даже в тех местах, которые находятся на север от Арзигир и Кочерли, а другие участки находятся на спорных территориях между ногайцами и калмыками (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 7).

Шейх-Али Давлет-мирза упрекал чиновников АПГИ, что они, несмотря на их уверения, под разными предлогами уже длительное время осуществляют практику выживания туркмен из калмыцких земель. Комиссия по раздаче калмыцких земель и АПГИ в случавшихся земельных спорах почти всегда придерживаются мнения калмыцкой стороны. В 1851 г. указанная Комиссия «без ведома магометан на местах летней их кочевки» выделила 14 участков на том основании, что «калмыки уверили в ненужности их магометанским народам» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 8). По мнению Шейх-Али Давлет-мирзы, АПГИ негласно одобряют «самовластные распоряжения» калмыцкой знати и их подчиненных, как, например, помощника Аракелова, который раздал в 1852 г.

по собственному усмотрению до 36 десятин земли. Главный пристав Магометанских народов писал в донесении уже от 25 октября 1852 г., что крестьяне на незаконном основании спокойно продолжают распахать земли в местах, близких к водопоям, при этом ссылаются на приговоры калмыцких обществ. На распашку земли им дано согласие АПГИ без учета прав туркмен и прочих «магометан» на кочевые территории. По словам Шейх-Али Давлет-мирзы, «не могут успокоены магометане дотоле, пока Астраханская Палата, безусловно, будет распоряжаться землями в Ставропольской губернии». Подобная практика, по его мнению, в будущем может привести к вытеснению туркмен за р. Маныч в пределах Астраханской губернии «чего по видимому желает и сам Главный Попечитель Калмыцкого народа» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 8-9).

7 июня 1853 г. управляющий гражданской частью Ставропольской губернии А.А. Волоцкой подал выписку Кавказскому наместнику М.С. Воронцову, в которой говорилось, что в 1852 г. АПГИ, согласно предположению чиновника Курлова, вознамерилась образовать на Калмыцкой земле 13 новых участков, которые нарушат права уже не только туркмен, но и казыларских татар и Джембулущких ногайцев, и если первые были почти забыты администрацией в силу своей малочисленности, то вторые имели обоснованные претензии на ныне принадлежащую им землю, простиравшуюся до местности Курган Баран-Толга, по плану землемера Кондратьева, составленного в 1824 г. Даже в тех местах, которые были указаны Комиссией туркменам для проживания, житель селения Донской Балки Паклов взял в оброк 4 десятины и распашал уже до 1000 десятин к явному стеснению казыларских татар. Другой крестьянин, прибывший из Московской губернии, житель селения Благодарное Гандарин распашал под пашни земли на этих же территориях и даже отбил у Казыларцев колодезь. Самозахват земли, к примеру, крестьяне с. Благодарное Василий Кондратьев и Григорий Малыхов объясняли приставу тем, что им позволено пахать в любом месте калмыцкими старшинами Джиджа и Джанбе на условии вспахать и засеять по две десятины с плуга на каждого из старшин (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 16-17). Ситуация усугублялась еще и тем, что крестьянское население Ставропольской губернии, дополняя земледелие скотоводством, стало соперничать с туркменами не только за пастбища, но и за водные ресурсы. Узкая полоса, оставленная крестьянами по распоряжению АПГИ по берегам балок, была недостаточна для водопоя туркменского скота, а в некоторых местах отсутствовал элементарный доступ к водопоям.

Отвечая на эти обвинения, Д.М. Петухов в 1855 г. подал в АПГИ рапорт, в котором обосновывал раздачу улусных территорий под распашку приговорами калмыцких родов. По его словам, он поддержал приговоры в связи с нуждами калмыков, кочующих в отдельной части Малодербетовского улуса. Чиновник посчитал: «находя изложенные в поданном мне приговоре причины справедливыми, ибо просимая калмыками распашка по числу плугов и количеству семейства как, не составить большого пространства земли и ущерба калмыцкого капитала». Потому он направил в АПГИ «на благорассмотрение и разрешение в подлиннике приговора при имянном списке» от 28 февраля 1855 г. В приговоре говорилось: «мы, старшины, избранные от общества калмыков <...>, для исполнения, как служебных, так и общественных надобностей; собравшись и посоветовавшись, признали нужно составить сей приговор в следующем: в прошлом 1852 году объявлены нам предписание <...> Главного попечителя калмыцкого народа от 13 мая и Астраханской Палаты государственных имуществ от 28 августа <...> о том, что калмыкам предоставляется обрабатывать землю для хлебопашества и если не имеют сами средств вспахать землю, пригласить на небольшую часть и посторонних соседних лиц». Однако в связи с бедственным положением к началу сезона сельскохозяйственных работ многие калмыки были не готовы. Большая часть из них, чтобы уплачивать казенные повинности, нанимались на работу в соседние села. Бедность и нужда калмыцкого населения приводила к тому, что, несмотря на желание заниматься обработкой земли для посева хлеба, только немногие имели у себя по одной и по две пары быков, необходимых для распашки. Распашка, как и в прошлые годы, производилась «для поддержания семейного их быта, имея в виду свободную землю, незанятую кочевьем магометан и не состоящую в оброчном содержании у жителей Ставропольской губернии, положили пригласить в нынешний год соседних крестьян, каждому из старшин по пяти плугов и произвести общую с ними распашку и сев как семенами, с тем, чтобы при урожае хлеба, взять в пользу Калмыков с каждого плуга по две десятины, или как по условию крестьян будет выгоднее и удобнее для калмыков, равно предоставить в пользу калмыков солому по уборке хлеба. Учинив этот приговор, мы просим Заведующего в отдельной части представить в АПГИ разрешение о дозволении произвести распашку на основании предписания АПГИ нам объявленного. Это одно только благодетельное средство и может поддержать калмыков <...> как в содержании их семейства, так и отбытии казенных повинностей» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 1-4). Именной список состоял из 30 старшин родов отдельной части Малодербетовского улуса: Ики-Хурулова рода, Дунду-Хурулова рода, Ики Манлаин Шабинерова рода, Манлаин Шабинерова рода, Бага Манлаин Шабинерова рода, Богдан Шабинерова рода, Абганерова рода, Кетченерова рода, Бурулова рода, Бага Бурулова рода (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 5-6).

Из приговора, поданного 5 марта 1855 г. в АПГИ, следует, что распашка производилась на указанных старшинами урочищах, а именно: на трех вершинах Камбулата, на Уче, Зурматинском бутре, Сухой и Мокрой Буйволе, при этом невозможно определить какое количество десятин будет

распахано. Но исходя из того, что весной при благоприятной погоде каждым плугом можно распахать до 10 десятин, в приговоре предполагалось примерно на каждый плуг распашки по 7 десятин, а плугов до 300, что составляло примерно «21 000 десятин» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 7-8).

26 апреля этого же года управляющий Ставропольской губернией уведомил Астраханского военного губернатора о том, что раздача крестьянам под распашку калмыцких земель, необходимых для кочевки туркмен, продолжается, и, как указано в донесении Главного пристава магометанских народов, «слишком произвольно». Туркмены оказались «постоянно стеснены» по целому ряду причин: когда одни крестьяне пахали с дозволения чиновника Петухова, другие — с дозволения «некоторых калмыков», а третьи и вовсе самовольно. Масштаб распашек был таков, что страдали уже не только туркмены, но и казыларцы на урочище Капбулат. Ставропольский управляющий направил своему астраханскому коллеге списки с указанием конкретных имен с последнего рапорта Главного пристава магометанских народов подполковника Шейх-Али и донесения к нему Туркменского пристава капитана А.Х. Артемьева. В этом письме он интересовался, на каком собственно основании допускается чиновником Д. М. Петуховым и калмыками раздача калмыцких земель до времени окончания работы Комиссии «по наделению магометан землею» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 14-15). Губернатор просил воспретить чиновнику Петухову и калмыкам отдавать крестьянам под распашку кочевые земли «магометан до того времени, пока Комиссия не исполнит возложенные на нее поручения и не будут им предоставлены в пользование необходимые для них земли». 27 мая 1855 г. военный губернатор Астраханской губернии Н.А. Васильев с учетом позиции ставропольской администрации издал приказ АПГИ «О воспреещении отдавать под распашку калмыцкие земли крестьянам». В нем содержался однозначный запрет отдавать кому-либо под распашку или в оброчное содержание калмыцкие земли, расположенные в отдельной части Малодербетовского улуса, за исключением 14 участков, «образованных в 1851 году бывшею тогда Комиссией и признанных ненужными для магометан», который был получен в феврале 1854 г. на основании предписания министра МГИ от 12 ноября 1853 г. Д.М. Петухову предписывалось наблюдать, чтобы «никто не пользовался и не распоряжался, как из зайсангов, так и старшин калмыков, самовольно калмыцкою землей» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 14-15).

Следуя предписанию АПГИ от 27 апреля 1854 г., Петухов собрал калмыцких старшин, чтобы осмотреть те места, на коих они желают произвести распашку с приглашенными крестьянами «и открыл, что таковая производилась при вершинах Камбулата, на Уче, близ границы села Александрии, на Маштак Кулак, на Кочурме, расстоянием от водополя более 7 верст, на Зурматинском бугре и на Сухой и Мокрой Буйвола» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26). При этом старшины и калмыки объявили: «по огромному пространству земли по реке Калаусу и Манычу, предположительная распашка нисколько не может Трухмен, и в земли этой, по близкому кочевью, они сами встречают необходимость, если бы и назначенная Комиссия для наделения Трухмен землею из Калмыцких степей, предложила им вопрос в этом». Калмыцкие старшины жаловались чиновнику, что если распашка будет не дозволена, то они окажутся не в состоянии уплачивать денежные повинности в доход улусного владельца, в доход аймачных зайсангов и, наконец, на содержание Управления калмыцким народом, а также нести общественные повинности, но и «пропитывать свои семейства, по малому скотоводству». Чиновник Петухов, якобы удовлетворенный этими высказываниями, а не собственным мнением, считал это единственным средством к поддержанию калмыков и поэтому уже не мог отстранить калмыков и приглашенных ими крестьян от начатой распашки (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Также Петухов добавлял: «сам он от своего лица, как писал Трухменский пристав капитан А.Х. Артемьев, никаких дозволений крестьянам не давал и кто из крестьян это произвел, ни я сам, ни посылаемые мною для осмотра находящиеся в отдельной части старшины в то время таковых распашников» не знает, о чем чиновник доводил до сведения АПГИ донесением от 11 сентября 1854 г., где указывал, что если «крестьяне с дозволения моего и самовольно начали распахивать землю, о чем я до получения настоящего предписания, даже ни от кого не был предупрежден: то, вероятно Г. Артемьевым открыты эти распашки — но кто они поименно и фамилиям» он пояснить не смог. Более того, вся распашка шла на территории его ведомства. А все слухи о разрешениях, которые выдавал он — «письменные или одни словесные» — взяты со слов туркмен, которые считали эти земли своей собственностью (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Петухов в своем рапорте также обращал внимание на выпас постороннего скота на кочевых территориях туркмен на р. Маныч, на который он не только не давал дозволения пасти, но до получения предписания и не знал, что посторонние лица вторгаются со скотом своим в земли отдельной части Малодербетовского улуса, пока ему не сообщили старшины и Управляющий калмыками Зайсанг Санжи Мулаев. При этом находящиеся кочевьем на р. Маныч калмыки ему не подчиняются, а находятся в составе управления другого чиновника; разрешения помещику Скаржинскому о выпасе скота на р. Маныч он не давал» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

Далее Петухов в своем рапорте касался злоупотреблений ставропольских жителей, которые своего скота имеют не более трети, а две трети скота на кочевьях Калмыцкой степи принадлежат жителям г. Моздок. Этот скот выпасается туркменами на условиях «за пастьбу скота и корм скота

части из последующего ежегодно от того скота приплода», и этот-то скот турмены называют своей собственностью, и постоянно пишут жалобы на стеснение. Что касается казыларцев или шеретов, то они не только не стеснены кочевкою, но и сами на калмыцкой земле производят распашки и пользуются сенокосом и, мало того, позволяют еще крестьянам соседних сел косить траву и пасти скот, «отзываясь тем, что земля близ урочища Камбулат есть их принадлежность», о чем Петухов 4 мая 1852 г. доносил в АПГИ и 10 сентября того же года получил предписание о запрещении шеретам, кочующим на калмыцких землях, производить распашки, сенокосение и пастьбу скота. Главному Магометанскому приставу было сообщено от Палаты, что если на тех землях будет найден принадлежащий сторонним лицам скот, то он будет конфискован и отдан в «пользу Калмыков, как хозяев земли», поскольку они постоянно приносят жалобы на нехватку кочевых территорий (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 22-26).

20 декабря 1855 г. особая Комиссия отправила Главному попечителю калмыцкого народа генерал-майору и кавалеру М.И. Тагайчинову запрос, где запрашивала сведения о своем отношении от 11 сентября 1854 г., в котором она просила Д.М. Петухова сообщить, на каком основании производилась разными лицами распашка земель и сенокосение в улусе, сверх 14 участков, которые были оставлены в оброчном содержании и не последовало ли на это каких-либо особых распоряжений от АПГИ. Особо Комиссию интересовало, на каком основании были предоставлены права зайсангам, старшинам и калмыкам на раздачу земель под хлебопашество и сенокосение сверх оброчных статей, и в каком количестве, чтобы Комиссия могла точно определить надел земель «магометанам», поскольку при предварительном обзоре и съемке оброчных участков оказалось, что кроме 14 участков, оставленных для оброчного содержания, и участков, исключенных из них, многие другие участки земли распашаны вновь «весьма в значительном количестве тою весною под пары озимого хлеба разными лицами». На это отношение Петухов никаких сведений не представил, несмотря на личное обещание чиновникам Комиссии, что затрудняет работу Комиссии по распределению земель туркменскому населению, вопреки распоряжению губернского начальства и отзыв АПГИ от 18 марта 1855 г. о том, что распашка земель и их отдача в оброк в отдельной части Малодербетовского улуса запрещена распоряжением Палаты еще в феврале 1854 г. (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 36-37).

6 апреля 1856 г. Главный пристав Магометанских народов Ставропольской губернии подполковник Шейх Али написал в АПГИ, что частая отписка улусных калмыцких попечителей о том, что указанные земли отданы под распашку по решению калмыцких родовых обществ, на том основании, что они «магометанам не нужны», есть не что иное, как отговорка. Это доказывается тем, что сам Петухов сообщал, что весной 1855 г. были допущены распашки за пределами 14 оброчных участков на урочищах Камбулат, Уче, Маштак Кулак, Кучерме, Зуратинскому бугре и Сухой и Мокрой Буйвола, которые необходимы туркменскому населению для скотоводства. Даже освободившиеся на несколько месяцев участки бесполезны для кочевков, а с учетом желания зайсанга С. Мулаева оседло поселиться на Чограе встает вопрос, где же те земли, которые «Трухменам нужны, когда вышеописанные места, по уверению калмыков и убеждению их начальства были им не нужны», между тем туркмены лишились бы одних из лучших мест своих кочевий. При этом Главный пристав Магометанских народов выражал протест против намерения С. Мулаева в связи с распоряжением МГИ и АПГИ Палаты, что сверх 14 участков другие территории остаются свободными (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 47. Л. 55-56).

В декабре 1855 г. Комиссия, учрежденная для наделения магометан землею из калмыцких степей, отписала в АПГИ, что из отношения Д.М. Петухова от 24 ноября 1855 г. видно, что АПГИ в разрешении прошения зайсанга Малодербетовского улуса Мулаева о дозволении ему с братьями построить деревянный дом на урочище Чограй, требует от господина Гусановского сведения о том, не нужно ли означенное урочище для кочевки магометанских народов. С учетом этого Комиссия просила о всех вопросах, «имеющих связь с заселением калмыцких земель находящимися в Ставропольской губернии уведомлять Комиссию <...> до окончания возложенных на нее поручений» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 8-9).

В январе 1856 г. Д.М. Петухов отправил в АПГИ донесение по просьбе зайсанга Мулаева о дозволении ему построить на урочище Чуграй деревянный дом (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 15). Также он сообщал, что по вопросу о дозволении зайсангу С. Мулаеву с братьями и аймачными устроить на урочище Чуграй при устье р. Гашун-Уста оседлое поселение, которые якобы составляют постоянные летние кочевки туркмен и должны были по проекту Комиссии быть переданы в им надел, а в отзыве зайсанга С. Мулаева указывалось, что на этом урочище он всегда имел кочевку со своими аймачными людьми, а туркмены только изредка кочевали при «самой вершине того урочища». Более того, в настоящее время к поселению на том урочище готовы присоединиться другие зайсанги — Шалхик Терменкеев и Нимбуев со своими аймачными людьми (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 8-9).

В прошении от управляющего калмыками отдельной части Малодербетовского улуса С. Мулаева губернатору Тагайчинову от 20 января 1856 г. сообщалось, что 22 сентября 1855 г. он входил в АПГИ с прошением о дозволении ему с четырьмя братьями построить оседлое поселение на урочище Чуграе при устье р. Гашун Уста. При этом он указывал, что если это урочище будет отдано

в надел туркменам, то калмыки его аймака лишатся удобных зимовых мест на территории при устье р. Шун Уста, и Хара Булак (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 17-18).

В письме Министерства государственных имуществ, направленного 9 мая 1856 г. Главному попечителю калмыцкого народа, подчеркивалась особая значимость туркменского скотоводства для Ставропольской губернии. В нем сообщалось о готовности начальника Ставропольской губернии отправиться в текущем году вместе с Главным попечителем в Калмыцкую степь для устранения всех недоразумений и предписывалось Главному попечителю калмыцкого народа территории калмыцких земель в Ставропольской губернии, не подходящие для заселения дорог на основании высочайшего указа от 30 декабря 1846 г., оставить свободными до личного с начальником Ставропольской губернии «обозрения местностей». Прошение С. Мулаева будет зависеть от соглашения Главного попечителя с начальником Ставропольской губернии (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 46. Л. 25-26).

Комиссия для наделения магометан землею из калмыцких степей, лежащих в Ставропольской губернии, закончила свою деятельность в январе 1857 г. Она представила наместнику Кавказскому через ставропольского губернатора «проект наделения землею магометан». В нем основаниями для наделения землей признавались: «1. высочайший указ от 1806 года и объявленном при нем Положении об отводе земель калмыкам; 2. То обстоятельство, что калмыки сами в этой земле не нуждаются» (ГААО. Ф. 794. Оп. 2. Д. 29. Л. 182). Представленный проект противоречил целому ряду указов АПГИ, а также Положению об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. В конечном итоге разделение кочевых территорий так и не было доведено до конца. По утверждению С.В. Фарфоровского, «приведенные указания закона комиссией не были выполнены, и границы, и объем землепользования тухмен остались неопределенными» (цит. по: Лиджиева, 2023: 14).

Тем не менее к началу XIX в. калмыки и туркмены сумели выработать режим взаимных кочевков на одной территории. Однако территориальные споры между калмыками и туркменами все еще случались. Во многом виной тому неясность и нечеткость в определении компетенции Астраханского и Ставропольского губернаторов в части управления кочевыми народами. 21 октября 1859 г. для прекращения споров по управлению калмыками и туркменами между Астраханским и Ставропольским губернскими администрациями был издан Высочайший указ, по которому калмыки Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями переходили в подчинение Главному приставу магометанских народов, кочующих в Ставропольской губернии (НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10; НА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 206. Л. 506.).

5. Заключение

Таким образом, вышеуказанные Особые комиссии в конечном итоге не смогли в полной мере выполнить поставленные перед ними задачи наделения землями магометан и размежевания кочевий между туркменами и калмыками. Включение в состав Калмыцкой степи туркменов привело к их неизбежным конфликтам с калмыками в борьбе за пастбищные территории. Рост крестьянского населения в первой половине XIX в. в Калмыцкой степи и Ставропольской губернии привел к ожесточенной конкуренции с кочевниками за пастбищные земли и, что наиболее важно для аридных территорий, за водные ресурсы. Решение земельных проблем в регионе усложнялось еще и тем, что калмыцкое население в борьбе за территории под видом желания перейти на оседлый образ жизни стало массово привлекать для распашки спорных земель крестьян соседних сел при полном попустительстве со стороны АПГИ. Параллельно туркменское население, имея собственные интересы, также вовлекало в незаконный выпас скота жителей г. Моздок на землях Калмыцкой степи, тем самым увеличивая антропогенную нагрузку на пастбища. В совокупности все указанные факторы привели к нарушению стройной системы кочевий калмыцкого и туркменского народов. Они разрушили устоявшуюся систему пастбищного скотоводства в Калмыцкой степи и Ставропольской губернии, стали катализатором трансформаций традиционного образа жизни кочевников, изменения методов скотоводства и перехода к оседлому образу жизни калмыков и ставропольских туркмен. При этом российские власти оказались в весьма сложном положении, когда однозначная поддержка оседлого христианского населения могла привести к окончательному разорению кочевых хозяйств. Местные власти не сумели организовать четкий контроль над распределением пастбищных угодий, что приводило к межхозяйственным спорам, а подчас к открытым конфликтам между скотоводами. Властные структуры не смогли донести до кочевников необходимость организации правильного выпаса скота и улучшения качества пастбищных угодий, что приводило к их постепенной деградации. Критическое положение скотоводческой отрасли в регионах юга России в конце XIX в. в немалой степени было обусловлено сложными природно-климатическими условиями территории. К примеру, малое количество осадков, приходящихся на аридные районы, к которым относятся юго-восточная часть Ставропольской губернии и Калмыцкой степи, не способствовало росту травостоя на пастбищах, что приводило к дефициту кормов в осенне-зимнее время, создавало постоянные ситуации незащищенности зимующего поголовья кочевников от стихийных бедствий. Недостаток водных ресурсов в полупустынной и засушливой местности, а, следовательно, и нехватка питьевой воды, негативно влияли на самочувствие животных, на их продуктивность и общую рентабельность. В конечном итоге можно определенно сказать, что во многом непродуманные решения различных властных структур замедлили развитие

традиционного пастбищного скотоводства калмыков, ставропольских туркмен и ногайцев. Созданные ими особые Комиссии по землепользованию в Ставропольской губернии не смогли в полной мере решить спорные земельные вопросы, вследствие чего можно говорить о провале актуального по времени и важного по замыслу правительственного проекта.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Архипов, 1858 – Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен // *Кавказский календарь на 1859 год*. Тифлис, 1858. С. 347-356.

Бентковский, 1883 – Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1883. 134 с.

Бентковский, 2011 – Бентковский И.В. Крепостная колонизация в бывшей кавказской, ныне Ставропольской губернии // *Опальные: Русские писатели открывают Кавказ*. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.

Белоусов, 2018 – Белоусов С.С. Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков) // *Новый исторический вестник*. 2018. № 1 (55). С. 6-20.

Бурдуков, 1902 – Бурдуков Н.Ф. Выпасы постороннего скота в калмыцкой степи и их влияние на калмыцкое хозяйство. Санкт-Петербург, 1902. 33 с.

Брусина, 2023 – Брусина О.И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. №2 (75). С. 62-71.

Варивода, 2007 – Варивода Н.В. Русская колонизация Центрального Предкавказья во второй половине XVIII - начале XX веков // *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2007. №. 16. С. 139-141.

Володин, 1908 – Володин А. А. Трухменская степь и трухмены // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. 1908. Вып. 38. Отд. 1. С. 1-98.

ГААО – Государственный архив Астраханской области.

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Кольцов, Шургучинов, 2023 – Кольцов П.М., Шургучинов Р.С. Установление границ кочевых территорий ставропольских туркмен в начале XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023 № 2 (75). С. 26-31.

Курбанов, 1995 – Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 237 с.

Лиджиева, 2023 – Лиджиева И.В. «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 2 (75). С. 11-20.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Положение..., 1848 – Высочайше утвержденное Положение об управлении Калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том XXII. Отделение первое. 1847 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. 951 с.

Положение..., 1853 – Положение о размежевании земель Кавказского линейного казачьего войска и магометанских народов, обитающих в Ставропольской губернии. Санкт-Петербург: тип. Деп. воен. поселений, 1853. 43 с.

Прозрителев, 1912 – Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. Ставрополь: тип. Губ. правл., 1912. 24 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Фарфоровский 1911 – Фарфоровский С.В. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1911. 42 с.

Щеглов, 1910 – Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии: сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии. Ставрополь: Деп. гос. зем. имуществ, 1910-1911. 26 с.

References

- Arkhipov, 1858** – Arkhipov, A. (1858). Ehtnograficheskiy ocherk nogajcev i turkmen [Ethnographic essay of Nogais and Turkmens]. *Kavkazskij kalendar na 1859 god*. Tiflis. Pp. 347-356. [in Russian]
- Belousov, 2018** – Belousov, S.S. (2018). Samovolnye poseleniya na kalmyckikh zemlyakh Astrakhanskoj i Stavropolskoj gubernij: pereselency i gubernskie vlasti (XIX – nachalo XX vekov) [Unauthorized settlements on the Kalmyk lands of Astrakhan and Stavropol provinces: settlers and provincial authorities (XIX – early XX centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 1(55): 6-20. [in Russian]
- Bentkovskij, 1883** – Bentkovskij, I.V. (1883). Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodcev-magometan, kochuyushchikh v Stavropolskoj gubernii [Historical and statistical review of the Mohammedan foreigners roaming in the Stavropol province]. P. 1. Stavropol: tip. Gub. pravl., 34 p. [in Russian]
- Bentkovskij, 2011** – Bentkovskij, I.V. (2011). Krepostnaya kolonizaciya v byvshej kavkazskoj, nyne Stavropolskoj gubernii [Serf colonization in the former Caucasian, now Stavropol province]. *Opalnye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz*. V. 2. Stavropol: Izd-vo SGU. [in Russian]
- Brusina, 2023** – Brusina, O.I. (2023). Transformaciya kochevogo obraza zhizni stavropolskikh turkmenov v XIX–XX vv. [Transformation of the nomadic lifestyle of Stavropol Turkmens in the XIX–XX centuries]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 62-71. [in Russian]
- Burdukov, 1902** – Burdukov, N.F. (1902). Vypasy postoronnego skota v kalmyckoj stepi i ikh vliyanie na kalmyckoe khozyajstvo [Grazing of foreign cattle in the Kalmyk steppe and their impact on the Kalmyk economy]. Sankt-Peterburg, 33 p. [in Russian]
- Farforovskij, 1911** – Farforovskij, S.V. (1911). Trukhmeny (turkmeny) Stavropolskoj gubernii [Trukhmen (Turkmens) Stavropol province]. Kazan: tipo-lit. Imp. Un-ta, 42 p. [in Russian]
- GAAO** – Gosudarstvennyj arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan region].
- GASK** – Gosudarstvennyj arkhiv Stavropolskogo kraja [The State Archive of the Stavropol Territory].
- Kolcov, Shurguchinov, 2023** – Kolcov, P.M., Shurguchinov, R.S. (2023). Ustanovlenie granic kochevykh territorij stavropolskikh turkmenov v nachale XIX v. [The establishment of the boundaries of the nomadic territories of Stavropol Turkmens at the beginning of the XIX century]. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 26-31. [in Russian]
- Kurbanov, 1995** – Kurbanov, A.V. (1995). Stavropolskie turkmeny: Ist.-ehtnogr. Ocherki [Stavropol Turkmens: Historical and ethnographic essays]. SPb.: Yazykovoju centr SPBGU, 237 p. [in Russian]
- Lidzhieva, 2023** – Lidzhieva, I.V. (2023). «Priokhochivat k osedlosti»: imperskaya politika na inorodcheskikh territoriyakh» [“To settle down”: imperial policy in foreign territories”. *Kaspijskij region: politika, ehkonomika, kultura*. 2(75): 11-20. [in Russian]
- NARK** – Nacionalnyj arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].
- Polozhenie..., 1853** – Polozhenie o razmezhevanii zemel Kavkazskogo linejnogo kazachego vojska i magometanskikh narodov, obitayushchikh v Stavropolskoj gubernii [Regulation on the delimitation of the lands of the Caucasian linear Cossack army and the Mohammedan peoples living in the Stavropol province]. Sankt-Peterburg: tip. Dep. voen. poselenij, 1853. 43 p. [in Russian]
- Polozhenie..., 1848** – Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie ob upravlenii Kalmyckim narodom ot 23 aprelya 1847 g. [The most highly approved Regulation on the administration of the Kalmyk people of April 23, 1847]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. Tom XXII. Otdelenie pervoe. 1847*. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1848. 951 p. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – Prozritelev, G.N. (1912). Pervye russkie poseleniya na Severnom Kavkaze i v nyneshnej Stavropolskoj gubernii [The first Russian settlements in the North Caucasus and in the present Stavropol province]. Stavropol: tip. Gub. pravl., 24 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shcheglov, 1910** – Shcheglov, I.L. (1910). Trukhmeny i nogajcy Stavropolskoj gubernii: svedeniya o khozyajstve osedlykh i kochuyushchikh inorodcev, russkikh krestyan i khutoryan ovcevodov v Trukhmenskoj i Achikulaskoj stepi Stavropolskoj gubernii [Trukhmen and Nogais of Stavropol province: information about the economy of settled and nomadic foreigners, Russian peasants and sheep farmers in the Trukhmen and Achikulak steppe of Stavropol province]. Stavropol: Dep. gos. zem. imushchestv, 1910-1911. 26 p. [in Russian]
- Variyoda, 2007** – Variyoda, N.V. (2007). Russkaya kolonizaciya Centralnogo Predkavkazya vo vtoroj polovine XVIII - nachale XX vekov [Russian colonization of the Central Caucasus in the second half of the XVIII - early XX centuries]. *Promyshlennost: ehkonomika, upravlenie, tekhnologii*. 16: 139-141. [in Russian]
- Volodin, 1908** – Volodin, A.A. (1908). Trukhmenskaya step i trukhmeny [Trukhmen steppe and Trukhmens]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza*. Vyp. 38, otd. 1. Pp. 1-98. [in Russian]

Деятельность Особых Комиссий по наделению землей Магометанских народов в Ставропольской губернии в XIX в.: проблемы и природно-климатические факторы

Валерий Владимирович Батыров ^{a, *}, Екатерина Николаевна Бадмаева ^a,
Даниял Сайдахмедович Кидирниязов ^b, Баатр Викторович Очиров ^a

^a Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

^b Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Российская Федерация

Аннотация Статья посвящена деятельности Особых Комиссий по наделению землей Магометанских народов в Ставропольской губернии в XIX в. Основной проблемой, стоявшей перед Комиссиями, являлось решение проблемы распределения пастбищных территорий среди кочевых народов. Подобный вопрос, в частности, между калмыками и ставропольскими туркменами, возник в 1806 г., когда решением властей туркменское население было включено в состав Калмыцкой степи Астраханской губернии. Данное решение обострило земельные отношения в целом среди кочевых народов. Усугубило ситуацию в землепользовании рост численности крестьянского населения в Ставропольской губернии. Новоприбывшие русские крестьяне в сложных природно-климатических условиях территории были вынуждены переходить к скотоводству как наиболее рентабельному виду хозяйствования, вступая, таким образом, в борьбу за пастбища и водные ресурсы с кочевыми народами. Постоянные жалобы и конфликты от всех сторон-участников земельных споров на протяжении всей первой половины XIX в. поставили перед российскими властями неотложный вопрос о точном определении границ территорий кочевых народов. Сложные природно-климатические условия региона были в числе основных причин провала проекта по размежеванию территорий кочевий между калмыками и туркменами. Аридная территория, нехватка водных ресурсов, дефицит зимних запасов кормов, обусловленный выгоранием пастбищ в остальное время года, предопределяли постоянную зависимость кочевых хозяйств от стихийных бедствий, создавали серьезные препятствия для дальнейшего развития кочевого скотоводства. Особенно ожесточенно шли споры и конфликты между скотоводами за ограниченные водные ресурсы и лучшие пастбищные территории. Тем не менее, с начала XIX в. калмыки и туркмены сумели выработать режим взаимных кочевок на одной территории, так как они понимали, что отсутствие консенсуса по этому вопросу могло бы привести к разорению одного из народов. В конечном итоге, российские власти разрубили гордиев узел земельных противоречий между калмыками и туркменами, передав в 1859 г. земли Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса в ведомство Ставропольской губернии, тем самым отдав решение всех конфликтных ситуаций из-за кочевых пастбищ и водных источников на откуп местной администрации. Только в начале XX в. накал земельных противоречий между калмыками и туркменами несколько ослаб вследствие частичного отказа скотоводов от практики отгонного скотоводства и постепенного перехода кочевого населения к оседлому образу жизни.

Ключевые слова: Астраханская губерния, Ставропольская губерния, Калмыцкая степь, кочевые народы, калмыки, туркмены, кочевое хозяйство, скотоводство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: valerabatyrov@yandex.ru (В.В. Батыров), en-badmaeva@yandex.ru (Е.Н. Бадмаева), daniyal2006@rambler.ru (Д.С. Кидирниязов), ochirov.baatr@yandex.ru (Б.В. Очиров)